

УДК 94 (48).061

ПАДЕНИЕ РУССКОГО ВЛИЯНИЯ НА ШВЕДСКУЮ ПОЛИТИКУ В 1746-1747 гг.

© 2019 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г.Москва

Статья поступила в редакцию 05.03.2019

Во время созыва шведского сословного парламента в 1746-1747 гг. борьба пророссийской партии «колпаков» с профранцузской и пропрусской партией «шляп» закончилась поражением сторонников сближения с Россией, действовавших в союзе с российской дипломатией. Используя неправовые методы и хитрость, «шляпы» добились арестов и увольнений с государственных постов своих соперников. Причинами победы «шляп» стало стремление шведского дворянства и городского сословия избавиться от влияния России, надеясь на поддержку Пруссии и Франции. Русская дипломатия потерпела поражение, но в итоге и «шляпы» предпочли дружественные отношения с Россией и вступили в войну с не оправдавшей их надежд Пруссией в 1757 г.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, российская дипломатия, русско-шведские отношения, «Эра свобод», риксдаг 1746-1747 гг.

Один из аспектов российской политики в Швеции во время борьбы шведских политических группировок «шляп» (борцы) и «колпаков» (сторонников союза с Россией) на заседаниях риксдага 1746-1747 гг. рассматривался автором в ранней статье¹. Сокрушение пророссийской партии «колпаков» не ограничивалось только арестом шведских посредников русского посланника барона И.А. Корфа или победой «шляп» в шведском парламенте. Цели противников сближения с Россией заключались в полном исключении из политики самых влиятельных членов пророссийской партии. Документы Архива внешней политики Российской империи использовались только С.М. Соловьевым в его многотомном труде «История России с древнейших времен» в качестве общего обзора дел в Швеции в это время, но причины и обстоятельства сокращения пророссийской партии «колпаков» заслуживают анализа.

*Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: anisimovm@list.ru*

В 1743 г. шведы, потерпев поражение в войне с Россией 1741-1743 гг., под давлением Петербурга выбрали наследником шведского престола (шведский король Фредрик I был бездетен) принца Адольфа Фредрика Гольштейн-Готторпского, двоюродного дядю Петра Федоровича, племянника российской императрицы Елизаветы Петровны. Сам факт такого избрания рассматривался «шляпами» как свидетельство покорности шведов русским, и они в ответ стремились привлечь кронпринца на свою сторону. В 1744 г. новый лидер «шляп» граф Карл Густав Тессин, дипломат, сенатор и советник Канцелярии (внешнеполитического ведомства, управлявшегося президентом канцелярии, коим в середине 1740-х гг. был престарелый прежний лидер «шляп» граф Карл Юлленборг (Гилленборг)), возглавил шведское посольство в Берлин для сопровождения в Стокгольм невесты кронпринца Луизы Ульрики, которая была сестрой прусского короля Фридриха II. Пруссия в это время уже заявила о себе, как о новой великой державе, и «шляпы» увидели в ней опору в борьбе с Россией.

Новый созыв сословного шведского 4-палатного парламента – риксдага был намечен на 1746 г. На сессиях сословного представительства российская дипломатия собиралась добиться победы «колпаков», которые, отстранив партию «шляп», вернули бы Стокгольм к сближению с Россией, отказавшись от ориентации на Францию и Пруссию. В этом намерении русских поддерживали враги Франции в идущей в Европе войне за Австрийское наследство – англичане.

Российский канцлер граф А.П. Бестужев-Рюмин направил в Стокгольм для обеспечения победы «колпаков» в качестве русского посла бывшего посланника в Дании курляндца камергера барона Иоганна Альбрехта Корфа.

Корф прибыл в Стокгольм уже тогда, когда выборы депутатов были в самом разгаре и уже завершились в городском сословии Стокгольма, где безоговорочно победили «шляпы». Человек номер один в партии «колпаков», 60-летний сенатор барон Самуэль Окергельм, с которым провел беседу Корф, считал своих противников-«шляп» более сплоченными, энергичными и смелыми, чем «колпаки», и связал это с отсутствием средств у своих соратников, которые на прошлом риксдаге, сумев собрать крупную сумму для содержания в столице провинциальных депутатов, потратили ее до завершения сессий и потеряли голоса уехавших (депутаты из провинции должны были содержать себя в Стокгольме во время риксдага за свой счет, что для небогатых делегатов было невозможным). Теперь же провинциальные депутаты, поддерживавшие «колпаков», уже не хотели приезжать, зная, что им не помогают иностранные державы. Профранцузская же партия «шляп», как правящая, имеет в своем распоряжении государственные финансы Швеции, французскую денежную помощь и возможность назначения своих сторонников на государственные должности. У «шляп», впрочем, расходы на содержание своих сторонников тоже были огромны – их средств не хватало, и даже кронпринцесса

Луиза Ульрика была вынуждена заложить для помощи депутатам свои бриллианты².

Становилось ясным, что успех «колпаков» зависит от русских денег, которые уже начал раздавать еще предшественник Корфа российский посланник барон Люберас. В денежных вопросах помочь русским предложил английский посланник в Швеции полковник Мельхиор Гюи-Диккенс (Гвидекенс в русских документах), предлагая половину затраченных на шведских депутатов сумм компенсировать за счет английского правительства. Лондону в условиях продолжающейся войны с французами за Австрийское наследство было необходимо нанести поражение своему противнику и в Стокгольме, исключив Швецию из числа союзников Франции.

22 августа 1746 г. английский и русский дипломаты выехали из Стокгольма в один из загородных домов для переговоров с лидерами «колпаков» – сенаторами Окергельмом, Левеном, Врангелем, бывшими сенаторами графами Г. Бонде и Т.Г. Биелке (Бильке), а также генералом И.Х. фон Дюрингом. Речь снова пошла о крупных суммах, выдать которые дипломаты затруднились. Генерал Дюринг заявил, что если денег нет, то нужно об этом прямо заявить в провинциях, а Россия и Англия вместо этого тогда окажут политическое давление на шведское правительство, например, Лондон представит политические жалобы к шведским властям-«шляпам», а Петербург заявит, что из-за политики нынешнего шведского правительства и в условиях заключенного русско-австрийского союза он не может доверять Стокгольму и относиться к нему как к доверенной державе³. Учитывая, что Россия в это время подготовила к возможному выступлению против Пруссии войска в прибалтийских провинциях, такое заявление, означающее угрозу Швеции, должно было бы вразумить «шляп» и показать, что «колпаки» – единственная сила, способная предотвратить новую войну с могущественной Россией.

Корф ответил Дюрингу, что он сообщит обо всем в русскую столицу, и просил по-

дождать присылки денег, которые обязательно будут. Бестужев-Рюмин отметил для Елизаветы Петровны на полях реляции, что считает нужным отправить если не 30 тысяч рублей, то хотя бы те же 20 тысяч, что были отправлены ранее – дело очень важное, а поражение русской дипломатии в Стокгольме может стоить куда дороже.

Партия «шляп» решила опереться на кронпринца Адольфа Фредрика, выставив его своим главой, и заняться антироссийской пропагандой: Россия полностью покорила себе Швецию, и спасение от русского ига заключается только в союзе с Францией и Пруссией. Цель русских, вначале силой навязавших шведам своего кандидата в наследники престола, а затем увидевших, что кронпринц отстаивает шведские интересы – отстранить Адольфа Фредрика от наследования трона и передать его своему наследнику – великому князю Петру Федоровичу, и в России уже все готово к этому. Ложная информация, по сообщениям «колпаков», рассеивалась в тавернах, кофейнях и кабаках специально подобранными «шляпами» людьми, отличавшимися физической силой, и имела успех у шведов. Для противодействия этим акциям «колпаки» тоже отправили своих семерых физически подготовленных людей по заведениям с целью опровержения лжи своих противников и распространения утверждений, что ранее при правлении «колпаков» Швеция наслаждалась миром и покоем, а теперь, при «шляпах», страна переживает постоянные беды.

С русским посланником Адольф Фредрик и Луиза Ульрика обращались на приемах крайне холодно – троекратно поговорив со стоявшими рядом с Корфом людьми, они не удостоили Корфа ни единым словом. Корф ранее отмечал определенную зависимость Адольфа Фредрика от своей жены и своего окружения, объясняя, что «сей государь совершенно изволением своей супруги (которая его ни на момент не оставляет, когда я при нем нахожусь) и графа Тессина, яко безживотная художеством составленная статуя движется».

Король Швеции Фредрик I, наоборот, стремился на словах и на деле продемонстрировать дружеское отношение к России. Он даже предлагал Корфу тайно дать займы из казны 3 тысячи червонных для раздачи депутатам на выборах председателя риксдага⁴ – по традиции им был председатель дворянского чина (т.е. сословия) – лантмаршал.

Сам Корф активно занимался подготовкой депутатов – его дом всегда был полон людей, которые утверждали, что содержат у себя приехавших на сейм депутатов, не зная, как их продовольствовать дальше и не допустить их перехода к профранцузской партии. Не в силах заплатить огромные суммы, Корф отправлял просителей к Окергельму для проверки и общего подсчета сумм. Расходы все увеличивались, Корфу уже не хватало присланных денег, и он вынужден был их занимать⁵.

В таких условиях 15 сентября 1746 г. открылся шведский риксдаг.

В планы Корфа и «колпаков» входила организация победы нужного кандидата на выборах лантмаршала риксдага, которым был председатель дворянской палаты, и голосовали за него представители дворянства, среди которых большинство принадлежало «шляпам», выдвинувшим на пост лантмаршала своего лидера сенатора графа К.Г. Тессина. На выборах лантмаршала 22 сентября неожиданно для всех победу одержал кандидат «колпаков» полковник барон М.А. фон Унгерн-Штернберг, опередив Тессина всего на 18 голосов. Унгерн-Штернберг был лантмаршалом на прошлом сейме, 1742 года.

Воодушевленные успехом, «колпаки» сосредоточились на куда более сложной задаче – выборах в Секретный комитет, своеобразный президиум риксдага, решавший военные и политические дела, в который депутаты крестьянского сословия не допускались. Корф выдал колпакам еще 13 тысяч рублей, снова заняв их.

С открытием риксдага борьба партий с помощью денег и пропаганды перешла

в финальную стадию. Идея шантажа шведов вторжением русских войск, озвученная русскому посланнику Корфу генералом Дюрингом, судя по всему, была принята «колпаками» в качестве главного оружия в борьбе с профранцузской партией. В реляции от 24 октября Корф передавал просьбы своих конфиденентов отправить к границам Карелии 10 полков и тысячу казаков. В Петербурге посчитали это слишком долгим и затратным делом, согласившись взамен на размещение в Выборге 2-3 полков из соседних земель и Новгорода. Претензий по этому поводу не ожидалось – государства вольны размещать в своих владениях полки так, как угодно их властям.

Корф подал шведским властям промеморию о том, что из Петербурга в Ревель перемещаются 4 полка пехоты, и если ветры прибьют 26 галер с солдатами к шведским берегам, то российская императрица надеется, что ее армии будет оказан прием, достойный союзному государству.

«Шляпы», потрясенные известием о возможном русском вторжении в поддержку их политических противников, стали заявлять, что Корф выдумал это известие в своих целях. «Колпаки» же, постоянно посещая Корфа, выражали свою радость и желание изменить количество галер с 26 до 86 и надежду на то, что Бог пригонит ветром все русские галеры к Швеции, так как это главное средство сокрушения позиций «шляп»⁶.

Войска действительно двинулись в Выборг к концу 1746 г., и 16 января следующего, 1747 года шведский посланник в Петербурге граф Н. Барк просил канцлера Бестужева-Рюмина прокомментировать известия о том, что русские офицеры, направляющиеся к шведским границам, утверждают, что идут воевать. Канцлер ответил, что просто небольшое количество солдат идет в Выборг для размещения на квартирах, так как в местах их прежнего пребывания им не хватает мест⁷.

Не имея других рычагов воздействия на депутатов для обеспечения своей победы в риксдаге, «шляпы» выбрали свой метод борьбы. Корф узнал, что после вы-

боров в Секретный комитет «шляпы» планируют арестовать некоторых видных «колпаков». Как выразился граф Тессин: «Я знаю колпаков, их легко можно сдерживать: стоит только с одним из них поступить строго, и они все сейчас отстанут от русского министра, который не будет тогда знать, куда обратиться»⁸. Стокгольмский торговец А. Плумгрэн (Пломгрэн) среди своих собратьев по мещанскому сословию, в свою очередь, рассказывал, что люди, которые не посещают русского министра в Стокгольме, хорошо делают, ибо «те, которые туда (к Корфу. – М.А.) ходят, обожгутся, и пальцы им отбиты будут, есть же некоторые и такие люди, кои не токмо туда ходят, но и именем его потчевают (организуют столы для других. – М.А.)»⁹.

Корф старался парировать эти планы, подав королю официальные жалобы на Плумгрэна, требуя его ареста и допроса, и на генерала Вреде, «который в самом дворце говорил, что Корф ведет себя неприлично и на крыльце дворянского дома в день выборов велел раздать 1400 червонных»¹⁰, но не преуспел в этом. Ссылками на шведские законы и права «шляпы» отклонили требования Корфа.

Выборы депутатов в Секретный комитет, от чего традиционно были отстранены крестьяне, ожидаемо закончились победой «шляп», получивших в этом органе подавляющее большинство мест. Именно эта победа профранцузской партии в итоге окажется ключевой для борьбы «колпаков» и «шляп» на всем риксдаге.

Корф доложил о произошедшем, решив сосредоточиться на завоевании большинства в собраниях сословий. Оставив дворянский и мещанский чин как безнадежные, Корф решил сосредоточить основное внимание на крестьянском и духовном чине, традиционно ориентировавшихся на «колпаков».

Официальный Петербург больше интересовала судьба шведского сената – постоянно действующего риксрода (королевского совета, обычно из 18 человек), в котором сохра-

нялось преимущество у «колпаков» и потери которого вслед за Секретным комитетом нельзя было допускать.

План Корфа переключиться с борьбы за Секретный комитет на общие собрания риксдага у трех недворянских сословий Бестужев-Рюмин и Елизавета Петровна одобрили. Однако тактику Корфа в Петербурге осудили. Ради своих целей посол Корф, официально представлявший русскую императрицу, вел себя как тайный резидент русской разведки – назначая тайные ночные встречи тальману (председателю-спикеру, или, в тогдашней русской терминологии, оратору) крестьянского собрания Олафу Хокансону и влиятельному у депутатов духовного чина пробсту (протопопу) Якобу Серениусу, Корф переодевался и ходил на них неузнанным. Учитывая, что сам Корф ранее сообщал, что за его домом следят, наблюдая за всеми, кто приходит к нему, то такие ночные вояжи могли для посла плохо кончиться – на него могли напасть на улице как «на неведомую персону». Да и вообще подобные действия были расценены как неприличные для дипломатического ранга Корфа, и впредь ему запретили продолжать тактику тайных встреч с парламентской оппозицией нынешнему министерству.

Постоянные просьбы «колпаков» выдать им крупные денежные суммы в российской столице расценили как чрезмерные, учитывая, что не было никаких гарантий отдачи от уже потраченных крупных сумм.

Предложения «колпаков» придвинуть к шведским границам русские войска и издать декларацию императрицы с требованием увольнения нынешнего шведского министерства и введения в риксрод «патриотов» обеспокоили Бестужева-Рюмина, так как такие заявления со стороны России больше «на декларацию войны походят». Авантюристичность идеи заставила его запросить Корфа выяснить, знают ли о ней сенатор Окергельм и бывшие сенаторы Бонде и Биелке – лидеры «колпаков»? Корф должен был написать, кто именно составляет эту партию и сколько их всего. В целом опасная

с точки зрения международной реакции идея в Петербурге не отвергалась, но инициатива должна была принадлежать самим «колпакам», которые должны были бы написать обращение к российской императрице, которое Бестужев-Рюмин обещал сохранить в секрете¹¹.

Пока рескрипт шел в Стокгольм, в шведской столице «шляпы» одержали новую важную победу, введя в члены риксрода сразу 4-х своих соратников – барона А.И. фон Хепкена (Гепкена), Н. Пальмшерну (Пальмштирну), графа К. Экеблада и барона Ф. Вреде. Теперь в результате новых изменений, по подсчетам Корфа, у «шляп» в сенате было 10 голосов (включая голос кронпринца), у «колпаков» – 9 (включая два голоса короля)¹².

8 января 1747 г. Корф передал в Петербург свой разговор с недовольным королем, который упрекал «колпаков» «о слабом поступке патриотической партии на сем сейме», из-за чего он вынужден подписывать производство в сенаторы своих врагов – в Секретном комитете новые сенаторы предлагали Фредрику I отречься от престола в пользу наследника престола Адольфа Фредрика в обмен на пенсию¹³.

В феврале 1747 г. Корф уже понял, что этот риксдаг для России проигран полностью – он «только плохо для нас удался», что его новым планом было хотя бы примирить обе партии друг с другом под эгидой Елизаветы Петровны, на что были согласны некоторые умеренные «шляпы», например, статс-секретарь Э.М. фон Нолькен, бывший посланник в России. Большинство дворян поддерживают «шляп», а со стороны «колпаков» есть только «дремание с доброй стороны». Оставался единственный путь, на который уповали «колпаки» и поддерживавшие их англичане – русское оружие. Лондон весной 1747 г. вообще отправил повеление своему послу в Петербурге добиться русского вторжения в Финляндию, чтобы помешать шведскому сближению с Пруссией и Францией и сбросить шведское правительство¹⁴.

Момент для русских угроз начать войну был достаточно удобен – основные европейские державы заняты завершением в свою пользу изнурительной войны за Австрийское наследство, а сама Швеция крайне слаба, чтобы противостоять русским.

Корф, комментируя в отдельном рассуждении подобные планы «колпаков», писал: «На сем основании утверждено и то чаяние, что единое только серьезное движение на границе, препровождаемое сильною декларациею, достаточно было б здешние дела паки в порядок привести». Шведская армия составляет в данное время всего 35 тысяч человек, после русско-шведской войны полки до сих пор полностью не снабжены оружием и мундирами. Самой боеспособной частью шведских вооруженных сил является кавалерия, имеющая и оружие, и форму (кроме финляндских полков). Шведская казна истощена, и новых поставок на военные склады не будет. О шведском флоте Корф пока не имел точных известий, но надеялся их скоро получить от своих агентов, пока же мог свидетельствовать, что лучших матросов Швеция лишилась в войне против русских, шведские галеры обветшали и их такелаж уже не годен к морским операциям. Франция, союзник, а точнее покровитель шведов, далеко и занята войной против австрийцев и англичан, Пруссия еще не имеет подписанного союза со Швецией, да и у нее нет резонов начинать из-за шведов войну с Россией. Дания не будет выступать против русских. Финны, слабое звено среди шведских подданных (учитывая, что они во время Русско-шведской войны 1741-1743 гг., когда Финляндия была занята русскими войсками, принимали присягу на верность российской государыне), характеризовались Корфом как «сей глупый народ», так как рядом поблажек и уступок «шляпам» удалось добиться их лояльности¹⁵.

Корф не давал никаких советов Петербургу, он предоставлял своему руководству сведения, а уже в русской столице должны были принять решение.

Идея «шляп» добиться отзыва Корфа через своего посланника в России графа Н. Барка по обвинению в стремлении рассорить оба двора, вмешательства в шведскую политику и его пренебрежении общением со шведскими официальными лицами результата не принесла. Елизавета Петровна с подачи Бестужева-Рюмина поддержала своего представителя в Стокгольме, обвинив в ответ шведское правительство в неуважении к ее дипломату. Все же неприязненное отношение шведских властей к русскому послу вынуждало искать ему скорую замену, но до конца работы заседаний шведского сословного парламента Корфа менять было нельзя – это был бы дополнительный удар по сторонникам «колпаков».

Поэтому Корф продолжал работу, но уже не в ранге посла, а в более низком ранге посланника – решением 2 июля 1747 г. (перевод отправлен шведскому посланнику Барку 3 июля) изменение статуса Корфа объяснялось тем, что шведские власти, как уже очевидно, не собираются поддерживать дружбу с Россией и никаких договоров с ней подписывать не будут, потому высший ранг российского представителя в Стокгольме более не требуется¹⁶.

Пока тянулось дело с вручением и рассмотрением шведских претензий к Корфу, в Стокгольме русскому дипломату был нанесен тяжелый удар.

11 февраля 1747 г. по приказу Секретного комитета был арестован и препровожден в тюрьму стокгольмский купец и политик К. Спрингер, один из главных конфидентов Корфа, получавший от него крупные суммы на раздачу верным «колпакам» депутатам.

Арест Спрингера и двух его соратников (одного из которых Корфу удалось спасти как служащего российского посольства и отправить в Петербург), как считал Корф, даст «шляпам» возможность «по примеру гишпанской инквизиции хитростью, насильством, обещаниями и угрозами» вынудить их или хотя бы кого-то из них дать показания на сенаторов Окергельма, Левена, Цедеркрейца и надворных советников

Аркенгольца и Вармгольца – вождей партии «колпаков». Арест этих людей позволит полностью сокрушить их сторонников путем или арестов, или запугиваний. Даже если «шляпы» не будут реализовывать последний план, то уже сам факт ареста главных и известнейших политиков надолго подорвет какие-либо попытки сопротивления воле «шляп» в Стокгольме.

27 февраля Корф сообщил в Петербург, что борьба за политику Швеции была полностью проиграна в Стокгольме, и «более ничего не оставалось, как токмо с стороны вашего императорского величества некоторую серьезность употребить». На «колпаков» надежд у него больше нет, генерал Дюринг неспособен быть лидером¹⁷, генерал Сталь – бесталанен, боязлив и корыстен. Единственной надеждой Корфа был полковник фон Унгерн-Штернберг, лантмаршал на этом сейме.

Аппетиты «шляп», судя по донесениям Корфа, росли, теперь их планом было восстановление шведского абсолютизма как средство усиления государства: «Подлинно есть, что французские партизаны вельми о самодержавстве домогаются, и к тому уже все учредили»¹⁸. Через 2 недели, 13 марта, Корф писал: «Сказывают, что на сих днях в каморе фрейлины Ливеновой великая конференция графом Тессинем и его партией в присутствии кронпринцессы держана была, в которой конференции помянутый Тессин отозвался, что Швеция никогда противу России справиться не возможет, сколь долго нация разделенною и правительство республиканским (зачеркнуто в переводе реляции, вписано – всеобщим. – М.А.) пребудет»¹⁹. Тессин в это время занял место скончавшегося еще в декабре 1746 г. престарелого президента канцелярии графа Карла Юлленборга – не будучи утвержденным в качестве нового главы шведской дипломатии, Тессин фактически полностью руководил ею.

В апреле в риксдаг внесли предложение заключить военный союз с Пруссией. Против него тут же выступил крестьянский

чин. «Колпаки» в остальных палатах отделялись молчанием, а на вопросы Корфа депутаты отвечали, что они «арестований, гонений, да и самой пытки под мнимым званием неприятелей кронпринца и государства опасаться имели б, когда б они свои прекословия противу прусского союза далее производить стали бы», зная, что иностранные державы им не будут помогать²⁰.

24 апреля 1747 г. Корф сообщил, что Секретный комитет одобрил подписание военного союза с Пруссией и уже назначил сенаторов для подписания договора. 18 (29) мая 1747 г. шведско-пруссский договор был заключен.

Сгущались тучи над лидерами «колпаков». «Шляпы» готовились к сокрушению признанного лидера партии «колпаков» сенатора Окергельма – за то, что тот выступал против союза с Пруссией. Барон Окергельм, человек уже старый, впрочем, стоял как скала, показывая себя, по словам Корфа в реляции от 5 июня 1747 г., «бесстрашным и спокойным». Несмотря на то, что все звали его «главным российским партизаном», т.е. сторонником, он «без притворства и боязни» продолжал принимать русского посланника. К Корфу все остальные его шведские приятели уже боялись ходить – Корф сообщал, что его посещают только советник надворного суда А. Фрединшерна и несколько совсем молодых дворян²¹.

12 июля 1747 г. Корф сообщил о подготовке «шляпами» дела против лидера партии «колпаков» сенатора барона Самуэля Окергельма. В Секретном комитете был поднят вопрос о назначении комиссии для расследования связей сенатора с русскими. Окергельм был очень влиятельной фигурой, и даже многие сторонники «шляп» возражали против такого намерения. Все депутаты от духовенства в Секретном комитете выступили против комиссии. Мещанский чин – за. Дворянский чин большинством голосов высказался против создания комиссии. Однако дело на этом не закончилось, как сообщил Корф, новое голосование дворян прошло

уже после доставки депутатам денег, и большинством в 3 голоса дворянский чин высказался за создание комиссии, таким образом, решение было принято голосами двух сословий против одного – парламентская комиссия для расследования деятельности сенатора Окергельма была сформирована. Следующим делом встал вопрос об аресте Окергельма на время следствия – вопрос для «шляп» был принципиальным, так как они опасались, что Окергельм обратится к риксдагу с предложением расследовать его дело всеми сословиями парламента – тогда Окергельм мог рассчитывать и на голоса крестьян, которые не присутствовали в Секретном комитете; тогда, если бы 2 сословия выступили против расследования, то оно бы не состоялось.

Депутаты Секретного комитета приняли резолюцию предложить Окергельму почетную пенсию в случае его добровольной отставки. После Окергельма, как говорили Корфу его знакомые, настал бы черед остальных сенаторов-«колпаков»: Кронстета, Левена, Врангеля и Цедеркрейца²².

17 июля Корф сообщил в Петербург о том, что в Секретном комитете дело об аресте Окергельма натолкнулось на возражения многих депутатов, что во время риксдага нельзя арестовать шведа, а тем более сенатора без санкции 4 сословных палат, и, как говорят, кронпринц Адольф Фредрик сенатора Окергельма «будто российской собакою и изменником называет»²³.

Корф считал, что Окергельм – последняя препона перед полной победой «шляп» над «колпаками» – падение сенатора приведет к тому, что оставшиеся сторонники мирной политики перейдут на сторону победителей.

Окергельм по-прежнему был непоколебим, отвергая все уговоры о добровольной отставке. На 22 сентября Секретный комитет вызвал на допрос четырех сенаторов – Окергельма, Врангеля, Кронстета и Поссе с требованием объяснить их голосование в риксроде по поводу какого-

то банкового дела. Три первых, находившиеся в своих деревнях, не приехали, Поссе – тоже, сославшись на болезнь. Окергельм, как и опасались «шляпы», тут же обратился к риксдагу с требованием судить его 4-мя сословиями, вручив в их руки свою судьбу, которую Секретный комитет собрался решать самостоятельно. «Шляпы» занервничали и попытались спешно получить санкцию Секретного комитета на арест Окергельма. Его сторонники в комитете были уведомлены о заседании только за час до его начала, однако и это «шляпам» не помогло – голоса разделились поровну, при внесении в протокол большинство оказалось у противников ареста сенатора. Корф отметил в донесении от 25 сентября, что вчера на куртаге у кронпринца Тессин и Пальмшерна выглядели очень смущенными²⁴.

На 26 сентября Секретный комитет снова вызвал к себе сенаторов под страхом штрафа в 3 тысячи талеров серебром, и те подчинились. Окергельм, не ответив на приветственную речь, спросил депутатов, где обвинения против него. Ему дали дело в 40 листов, спросив, когда он даст ответ. Окергельм сказал, что этого он не знает, так как должен прочесть все эти бумаги. По словам Корфа, Окергельм собирался протестовать против допроса, отмечая, что не все из тех, кто голосовал в сенате, как и он, вызваны на допрос – пропущены сенаторы-«шляпы» Тессин и Розен.

«Колпаки» перешли в контратаку, распространив обвинения в адрес «шляп» в намерениях свергнуть Фредрика I ради воцарения Адольфа Фредрика. Корф и ранее писал о разговорах среди «шляп» о том, что им было бы желательно скорейшее отречение от престола нынешнего короля, потому молодой двор был напуган (от этих новостей Луиза Ульрика даже 2 раза падала в обморок) и был вынужден привечать оставшихся «колпаков» и публично не одобрять дело Окергельма. Однако никаких последствий эти обвинения не имели, и дело быстро утихло.

Дело Окергельма замерло, Корф общал в донесениях, что комиссия никаких действий не предпринимает. Только 6 ноября Корф доложил, что «шляпы» попытались блефовать, заявив Окергельму, что его выдал арестованный Спрингер как человека, который не только был в курсе антишведского заговора, но и советовал заговорщикам и постоянно ходил к русскому послу Корфу, однако на их очную ставку следователи не отважились – Спрингер на самом деле упорно все отрицал. Снова не найдя ничего противозаконного, депутаты из комиссии по делу Окергельма рекомендовали предоставить сенатору почетное увольнение.

В понедельник 16 ноября Секретный комитет рассмотрел решение комиссии по делу Окергельма. Н. Пальмшерна высказал предложение: сенатора Кронстета можно отрешить от должности без наказания – за былые заслуги; сенаторов Поссе и Врангеля простить «яко простых и проведенных людей», а «Окергельм живота, чести и имения лишен быть имеет». Часть депутатов высказалась в поддержку предложения, но против выступили сенатор барон А.И. фон Хепкен и ревизион-секретарь К.Г. Левенгельм, которых тоже поддержали другие депутаты. Как считал Корф, Пальмшерна заслужил враждебное отношение к себе у своих же однопартийцев стремлением к самовластью. Депутаты, увидев примерное равенство сторон, спорили до 3 часов дня и решили поставить предложение Пальмшерны на голосование, которое неожиданно принесло подавляющее большинство Хепкену и Левенгельму, за предложение Пальмшерны проголосовали с ним самим всего несколько человек. Здесь же Секретный комитет решил завершить заседания риксдага 10 декабря этого года²⁵.

24 ноября Секретный комитет рассматривал дело Окергельма, и многие депутаты высказались за то, чтобы оправдать сенатора и оставить в риксроде. Пальмшерна предложил изгнать Окергельма. Другие депутаты стали говорить, что если Окер-

гельма удалить из сенаторов, то только с оправданием и назначением пенсии. Представители духовенства заявили, что пенсии Окергельму шведская казна не выдержит и пусть он лучше остается сенатором. Поставленное на голосование предложение Пальмшерны уволить Окергельма провалилось, и Пальмшерна в гневе покинул заседание и ушел к кронпринцу.

Секретный комитет после этого принял решение передать дело Окергельма полному собранию сословий – теперь судьба Окергельма зависела, как он и хотел, от решения четырех палат риксдага, где он мог рассчитывать на голоса двух палат – духовенства и крестьянства, депутаты которых были уже подготовлены Корфом²⁶.

1 декабря дело Окергельма разбирала дворянская палата риксдага. Получив протоколы комиссии и Секретного комитета, сторонники «колпаков» предложили поставить на голосование решение: отправить, с разрешения других сословий, дворянскую депутацию к Окергельму с просьбой остаться сенатором. Никаких возражений от «шляп» не последовало, но это было не самое удивительное. Лантмаршал Унгерн-Штернберг, выбранный на этот пост «колпаками» как один из их лидеров, упорно делал вид, что он не слышит предложения проголосовать за оставление Окергельма, и продолжал такую политику с 11 часов утра до половины второго, до того момента, как в дворянской палате появилась депутация, отправленная мещанским сословием, с заявлением о том, что горожане приняли решение уволить Окергельма без предоставления пенсии. Унгерн-Штернберг тут же поставил на голосование вопрос – уволить Окергельма с пенсией или без пенсии. На возмущенные крики «колпаков» о прежнем предложении оставить Окергельма в риксдаге лантмаршал ответил, что он ничего не слышал, а сейчас голосуется другой вопрос. Голосование завершилось в 9 вечера, и 174 голосами против 100 депутаты решили уволить Окергельма без предоставления пенсии.

Корфа потрясло поведение Унгерн-Штернберга, которое ясно свидетельствовало о том, что лантмаршал в створе со «шляпами» против Окергельма. «Шляпы», не высказывавшиеся против предложения оставить Окергельма, явно знали, что дело будет решено лантмаршалом так, как они хотят. Король Фредрик I ранее говорил Корфу о том, что некоторые лидеры «колпаков» договорились со «шляпами» убрать Окергельма из политики, чтобы самим занять его место в сенате и на должности обермаршала (отвечал за отношения короля с риксдагом и правительством). Предупредив Окергельма, чтобы он не верил Унгерн-Штернбергу, Левенгельму и королевскому фавориту Э. Броману, Корф отправился к королю.

Фредрик I поддержал стремление Корфа сохранить Окергельма в риксроде как противовес «шляпам» и особенно Пальмшерне, и решил поговорить с Унгерн-Штернбергом и Броманом. Этот разговор закончился тем, что король изменил свое мнение и сказал Корфу, что увольнение Окергельма необходимо – если «шляпы» не добьются своего, то риксдаг продолжит свою работу, и «шляпы» будут искать новые поводы для осуждения лидера «колпаков», в конце концов, сам Окергельм, подавая риксдагу свой мемориал, официально подавал в отставку, которую надо просто утвердить²⁷.

На следующий день, 2 декабря, дело Окергельма рассматривали две другие палаты. Духовенство подавляющим большинством (против было только 6 человек) решили просить Окергельма остаться в риксроде и послали в крестьянскую палату депутацию с извещением о своем решении. Священники заседали довольно долго, крестьяне уже собирались расходиться, но секретарь крестьянского чина Гек сумел удержать их до момента прихода депутации духовенства. Узнав о решении священников, крестьяне большинством голосов присоединились к ним.

Корф был в восторге и сообщил в Петербург, что депутаты двух палат получают от

него обещанные им 7 тысяч талеров медью. Он особо отметил заслуги Гека – он и ранее считал его своим сторонником, нужным и способным человеком, которого «шляпы» пытались сместить с его парламентской должности фактически весь сейм.

Совместное решение двух палат парламента блокировало ранее принятое решение двух других палат. Потрясенные неудачей «шляпы» и створившиеся с ними некоторые лидеры «колпаков» в гневе и отчаянии попытались изменить решение хотя бы одного сословия – крестьянства, как наименее политизированного и больше зависимого от денег.

Лантмаршал Унгерн-Штернберг вызвал к себе тальмана (спикера, или «оратора») крестьянской палаты О. Хокансона, который лавировал между двумя «партиями» (на следующем сейме 1751 г. он окончательно перейдет к «шляпам») и, по оценке Корфа, был очень умным и образованным политиком. Лантмаршал говорил Хокансону, что крестьяне затеяли опасное дело и нужно переголосовать «правильно». Однако крестьяне не уступили.

«Шляпы» обратились к секретарю Окергельма, чтобы его шеф настоял на своем увольнении сам и тем избавил бы страну от парламентского кризиса. Секретарь сенатора ответил, что причин для отставки нет, ведь известно, что его патрон уже оправдан в Секретном комитете.

В связи с новыми обстоятельствами собрался Секретный комитет, на который пришли разгневанные «шляпы» и некоторые «колпаки». Теперь все они были едины в негодовании на духовных депутатов и особенно на присутствовавшего там Э. Альстрина, 60-летнего епископа города Векше, составившего мемориал в крестьянскую палату. Епископ отбивался, ссылаясь на то, что он все делал по справедливости и в согласии с уставами, никого не ссорил, но из-за грубости Пальмшерны ему стало плохо, и епископа увезли домой.

Члены комитета осудили и крестьян, раздавались голоса, что крестьяне вообще

не должны решать судьбу сенатора, который от них никак не зависит и перед ними не отчитывается, в отличие от представителей других сословий, входящих в Секретный комитет, но осложнять до такой степени обстановку в риксдаге депутаты не решились.

Вместо этого депутаты снова решили уговорить Окергельма настоять на своей отставке, и у ворот дома лидера «колпаков» одна карета стала сменяться другой. Угрозы на сенатора снова не произвели никакого впечатления, тогда кнут сменили на пряник и предложили Окергельму назначить такую пенсию от Секретного комитета, аналогов которой еще ни у кого не было. Но Окергельм остался верен себе – он отвечал, что не хочет никого ссорить, он доверил свою судьбу депутатам риксдага и ждет их решения. Переговоры с Окергельмом, как писал Корф, продолжались и в тот день, в который он писал свое донесение – 11 декабря.

«Колпаки», не замеченные Корфом в интригах против Окергельма, уже тоже соглашались с тем, что старику действительно будет лучше уйти в почетную отставку. Все клеветнические обвинения против него сняты, он оправдан, может получить хорошую пенсию. У «шляп», да и у того же Унгерн-Штернберга уже нет обратного пути, и все они боятся, что, оставшись в риксдаге, Окергельм будет их непримиримым врагом. Окергельм – единственная фигура, которая спланирует в борьбе с ним все группировки «шляп», которые без него снова вернутся в состояние соперничества²⁸.

Сами «шляпы» в ситуации, когда риксдаг не мог принять решение о судьбе Окергельма, обратились к королю, чтобы он взял это решение на себя, обещая Фредрику I назначить на освобожденное Окергельмом сенаторское место его фаворита Э. Бромана. Король говорил с Окергельмом и просил его уйти в отставку, чтобы избежать новых жестоких гонений, взамен чего Окергельм вплоть до следующего риксдага будет получать жалование обер-маршала, получит большую пенсию от Секретного комитета,

а от самого короля, из гессен-кассельской казны, – крупную сумму. Окергельм снова вежливо отказался, пояснив, что не хочет своей отставкой озлоблять народ.

Видя, что все законные способы к вынуждению Окергельма подать в отставку не сработали, «шляпы» пошли другим путем. Другом Окергельма был придворный проповедник (проповедник) пастор М. Троилиус. Корф писал в реляции от 11 декабря, что «шляпы» просто дали ему денег. Троилиус отправился в духовную палату риксдага, благодарил депутатов от имени Окергельма за поддержку и сказал, что сенатор принял решение не пользоваться этой поддержкой ради общенародного согласия в риксдаге.

Духовный чин, оскорбленный в лучших чувствах, сообщил об этом решении Окергельма крестьянским депутатам, и оба сословия присоединились к решению дворянства и мещанства об увольнении сенатора без пенсии. Ничего не подозревавший Окергельм лишился поста сенатора и обер-маршала.

Депутаты духовенства на этом не успокоились и отправили к Окергельму пробста Я. Серениуса, чтобы он сделал выговор уволенному сенатору. Окергельм, услышав Серениуса, «в превеликий ужас пришел» – он собирался после выходных отозвать свой мемориал с просьбой об отставке и назначении парламентского расследования. Окергельм даже решил, что депутаты духовенства испугались «шляп» сами, но Серениус поклялся, что все было так, как он и рассказал.

В крестьянской и духовной палате узнали о том, что Окергельм не имел отношения к просьбе Троилиуса, на него больше не сердились, но переголосовать обратно депутаты уже не могли – решение было отослано в другие сословия, и от имени риксдага оно уже было оформлено, а на новую попытку расколоть риксдаг депутаты уже не осмелились. «Колпаки» главным виновником падения Окергельма считали лантмаршала Унгерн-Штернберга, который мог решить все в его пользу еще 1 декабря.

Окергельм, который, по словам Корфа, «друзьями и неприятелями проведен», оказался не у дел, без какой-либо пенсии. Если королю действительно обещали избрание в сенаторы Бромана, то был проведен и король – в списке трех кандидатов в риксдаг на место Окергельма, представленном на выбор королю, фамилии Бромана не оказалось. Из-за этого Броман не мог стать и обер-маршалом – это место мог занять только сенатор.

Риксдаг 1746-1747 г. закончился разгромом партии «колпаков». Борьба с ними победивших «шляп» была достаточно длительной и упорной. Хотя «шляпы» имели в своем распоряжении «административный ресурс» и поддержку наследника шведского престола, им не удалось сокрушить оппонентов в честной борьбе, не используя обман, ложные обвинения и неправовые аресты. В итоге их план сработал – арест или увольнение с государственной службы под любым предлогом самых активных, влиятельных и бесстрашных лидеров «колпаков» привело к деморализации остальных, вынужденных примириться со своим поражением. Попытка России получить контроль над шведской политикой, который она установила после Северной войны и, как казалось, вернула в 1743 г. после новой войны со Швецией, провалилась – Швеция вышла из зоны российского влияния. Власть в Швеции перешла к противникам сближения с Россией, считавшим «русскую опасность» основной угрозой стране, а зависимость от русской политики – неприемлемой. Страх перед Россией, судя по дипломатическим отчетам Корфа, стал определяющим в шведском обществе, достаточно легко поддавшемся классическому варианту русофобии, что и привело «шляп» к победе на риксдаге. Несмотря на то, что большинство населения страны составляли крестьяне, не испытывавшие неприязни к России, именно дворянство и часть городского сословия, наиболее политически активная группа Швеции, стали проводником антироссийских идей. В их

победе важную роль сыграло стремительно возвышение Пруссии как великой державы в первой половине 40-х гг. XVIII в., дестабилизировавшее всю Европу. Берлин рассматривался шляпами как враг России, способный помочь шведам сбросить тяжелую руку русских. Политическая программа «колпаков», основанная на сотрудничестве с Россией и стремлении не раздражать ее, оказалась, таким образом, в то время не востребованной. Однако всего через 10 лет, в 1757 г., Россия и Швеция станут союзниками по борьбе с Пруссией в Семилетней войне, одной из причин этого станет осознание «шляпами», что Пруссия не сможет стать их надежным союзником в противостоянии с Россией (при этом имея виды на шведские владения в Померании)²⁹, а с самой Россией, влияние которой в Европе все возрастает, Стокгольму лучше находиться в дружественных отношениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анисимов М.Ю. Процесс Спрингера во время борьбы с русским влиянием в Швеции в 1746-1747 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2018. Том 20. №3(2). С.382-389.
- ² Архив внешней политики России (далее – АВПРИ). Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1746 г. Д. 9. Л. 374; Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти книгах. Кн. 11. М., 1993. С. 422.
- ³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 423-424.
- ⁴ Там же. С. 425-426.
- ⁵ Там же. С. 426.
- ⁶ Там же. С. 427.
- ⁷ АВПРИ. Ф. 96. 1747 г. Д. 13. Л. 1-4.
- ⁸ Цит. по: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 427.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 96. 1746 г. Д. 8. Л. 463-463об.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Д. 6. Л. 398-412об.
- ¹² Там же. Д.8. Л. 452-453.
- ¹³ Там же. 1747 г. Д. 8. Л. 9.
- ¹⁴ Щепкин Е.Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746-1758 гг. СПб., 1902. С. 67.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 96. 1746 г. Д. 8. Л. 188-206, 242-242об.
- ¹⁶ Там же. 1747 г. Д. 13. Л. 128.
- ¹⁷ Там же. Д. 8. Л. 442.
- ¹⁸ Там же. Л. 483.
- ¹⁹ Там же. Л. 610.

²⁰ Там же. Д. 9. Л. 276об.-277.

²¹ Там же. Л. 647об.-648.

²² Там же. Д. 10. Л. 152-158об.

²³ Там же. Л. 243.

²⁴ Там же. Д. 11. Л. 32.

²⁵ Там же. Л. 345-347об.

²⁶ Там же. Л. 394-397об.

²⁷ Там же. Л. 429-432об.

²⁸ Там же. Л. 438об.-439.

²⁹ *Анисимов М.Ю.* Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу // *Отечественная история.* 2004. № 6. С. 12, 15.

FALLING OF THE RUSSIAN INFLUENCE ON THE SWEDISH POLICY IN 1746-1747

© 2019 M.Yu. Anisimov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

During convocation of the Swedish estate parliament in 1746-1747 fight of the pro-Russian batch of «caps» against the pro-French and pro-Prussian party of «hats» ended with defeat of the supporters of rapprochement with Russia who were acting in the union with the Russian diplomacy. Using unlawful methods and cunning, the «hats» achieved arrests and dismissals of their rivals from the state posts. The aspiration of the Swedish nobility and city estate to get rid of Russian influence was the reason of victory of «hats» who were hoping for support of Prussia and France. The Russian diplomacy was defeated, but as a result the «hats» themselves preferred friendship with Russia, and in 1757 entered war against Prussia which had not justify their hopes.

Keywords: Elizaveta Petrovna, Russian diplomacy, Russian-Swedish relations, «Era of Freedoms», Riksdag 1746-1747